

Ажигова Ая Магомедовна

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНГУШЕТИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Статья раскрывает основные особенности процессов экономического развития Ингушетии в начале XX в. Объектом рассмотрения выступают процессы и явления социально-экономической жизни Ингушетии в рассматриваемый период, имевший важную роль в развитии региона и страны в целом. Целью статьи является анализ характера и особенностей развития социально-экономических процессов в Ингушетии в начале прошлого века. В результате делаются выводы о социальных изменениях в ингушском обществе, развитии торговли, росте отходничества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (35): в 2-х ч. Ч. I. С. 13-15. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084.3

Исторические науки и археология

Статья раскрывает основные особенности процессов экономического развития Ингушетии в начале XX в. Объектом рассмотрения выступают процессы и явления социально-экономической жизни Ингушетии в рассматриваемый период, имевший важную роль в развитии региона и страны в целом. Целью статьи является анализ характера и особенностей развития социально-экономических процессов в Ингушетии в начале прошлого века. В результате делаются выводы о социальных изменениях в ингушском обществе, развитии торговли, росте отходничества.

Ключевые слова и фразы: Ингушетия; Терская область; земледелие; скотоводство; малоземелье; аренда; торговля.

Ажигова Ая Магомедовна*Ингушский государственный университет**Adzhigov1990@mail.ru***ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНГУШЕТИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА[©]**

В развитии любого историко-географического региона важнейшую роль играют вопросы социально-экономической проблематики. Данное утверждение является особенно важным при изучении новой и новейшей истории Северного Кавказа. Для лучшего понимания современного положения дел в таком ключевом регионе современной России как Ингушетия важно проанализировать историческую динамику его социально-экономического развития, поскольку несмотря на временной отрезок, отделяющий рассматриваемый период от современности, многие аспекты социально-экономического развития продолжают оставаться практически неизменными и теперь.

В предлагаемой статье нашей основной задачей является выявление особенностей социально-экономического развития Ингушетии в начале XX в. и анализ основных факторов, влиявших на социально-экономическое развитие рассматриваемого региона в указанный период.

К 1901 г. по данным властей на Северном Кавказе проживало 49105 ингушей, из них 26023 мужчины и 23082 женщины. Расселение ингушей к началу века по официальным данным выглядело следующим образом. В Сунженском отделе – 25423 мужчины и 22 582 женщины, в Кизлярском отделе – 5 мужчин, в Грозненском отделе – 236 мужчин и столько же женщин, во Владикавказском – 241 мужчина и 190 женщин, в Хасав-Юртовском – 3 мужчины и 2 женщины, во Владикавказе – 117 мужчин и 72 женщины, в Кизляре – 3 мужчины [9, с. 13]. В 1910 г. в горной Ингушетии насчитывалось 1855 дворов [1, с. 58].

Существенные изменения происходили в семье и семейном быту ингушей. Традиционные большие семьи разделялись, трансформируясь в малые. Известный этнограф Н. Н. Харузин, исследовавший этот процесс, отмечает: «За последнее время среди чеченцев и ингушей все чаще и чаще происходят семейные разделы. Прежние семьи распадаются все более и более на несколько самостоятельных небольших семей, получающих каждая новый наследственный надел от общества» [11, с. 124]. Этот процесс знаменовал собой преодоление пережитков родового строя.

Малоземелье, порой переходящее в наиболее бедных обществах – особенно в горной зоне – в безземелье, являлось важнейшим фактором как экономической, так и социально-политической жизни. Контроль над землей давал не только материальные блага, но и наделял властью и влиянием. Соответственно, наибольшими возможностями, естественно, пользовался главный держатель земельных угодий – правительство, а также те, кто наделялся им щедрыми земельными паями в обмен на лояльность – казачество, помещики, а также наиболее далеко зашедшая в сотрудничестве с администрацией часть горской имущей верхушки и духовенства. Серьезные преференции, которые давала лояльность режиму и сотрудничество с ним, служили серьезным материально-правовым стимулом к укреплению влияния аппарата царской администрации в регионе.

В результате земля становилась не только фактором материального производства, но и важнейшим рычагом политического влияния на общество.

Обострение проблемы малоземелья с ростом численности населения и сокращением площади доступных для освоения земель вынуждало горское население искать нетрадиционные пути решения этого вопроса. На рубеже веков распространение получила практика отходничества – поиска заработка вне пределов Ингушетии, иногда на сезонных работах, иногда на развивающихся предприятиях промышленности. В то же время говорить о появлении ингушского пролетариата в тот период еще не приходится. Это обусловлено тем, что отходничество не давало должного количества квалифицированных рабочих, а также тем, что на территории самой Ингушетии не получила развитие промышленность, за исключением мелких кустарных предприятий.

По-прежнему арендная плата представляла собой тяжкое бремя, лежавшее на малоимущем населении края. По словам ингушского общественного деятеля В.-Г. Джабагиева, в то время «ингуши уплачивают

не менее 100 000 руб. денежного сбора (более чем уплачивают 200 тысяч чеченцев, 100 тысяч осетин и др.), т.е. около 2 руб. 25 коп. на душу, или от 15 до 20 руб. на двор» [5, с. 14].

Так, в 1904 г. только жители Цоринского и Хамхинского обществ Ингушетии за аренду земли уплатили 2644 руб., а вместе со штрафами за порубку леса, за «следы» и разного рода налоги на одну семью приходилось более 30 руб. в год [3, с. 345].

В 1906 г. начала работу Комиссия для исследования землепользования и землевладения жителей нагорной полосы Терской и Кубанской областей. Но никаких радикальных выводов в интересах народа Комиссия не сделала и не могла сделать, так как состояла из представителей царской администрации. Об этом свидетельствовал главный результат комиссии: земельная собственность горских народов была объявлена казенной. Последующие попытки разрешить аграрный вопрос в горах не пошли дальше создания новых землеустроительных комиссий и мировых посредников. Как известно, важным орудием столыпинской аграрной политики был Крестьянский земельный банк. Он помогал помещикам выгодно продавать свои земли, а кулакам – расширять свои земельные владения. В 1907 г. он расширил свою деятельность на казачье и горское население Терской и Кубанской областей. Способность комиссии эффективно решить проблему землеустройства в области уже в начале ее работы оценивалась скептически. Более того, сама комиссия со своими проектами решения аграрного вопроса стала объектом многочисленных жалоб горцев, число которых достигло 238 (из них 41, т.е. почти каждая шестая жалоба – от крестьян Чечни и Ингушетии). Среди членов комиссии произошел раскол между сторонниками перевода всех земель нагорной полосы в казну во главе с самим Абрамовым и приверженцами столыпинского подхода, т.е. разрушения общины и насаждения частной собственности среди горцев; последних возглавлял старший землемер Тульчинский. Это противоречие отразилось как на ходе работы, так и на результатах деятельности комиссии, завершившейся в 1908 г.

Малоземелье вынуждало ограничивать набор высеваемых сельскохозяйственных культур, выбирать наиболее неприхотливые и приспособленные к условиям региона, т.е. гарантировавшие отдачу в стесненных экономических условиях.

Кукуруза в связи с этим стала практически монокультурой. Ее посевы уже в конце XIX в. составляли львиную долю засеваемых площадей. Так, уже в середине 70-х гг. XIX в. посевы кукурузы в плоскостной Ингушетии составляли 92% [7, с. 62]. В 1901 г. валовой сбор зерна в 14 ингушских селениях составил 137 354 четверти, в том числе кукурузы – 126 532 четв., или 92,1% всех зерновых культур. В 1907 г. в Назрановском округе кукурузой было засеяно 32 663 десятины земли, а получено урожая 18 1944 четверти; в 1913 г. засеяно 45 995, а получено 511959 четвертей [6, с. 38]. На втором месте стояло просо – 7 703 четверти или 5,6% всех культур [5, с. 37].

Кукуруза стала и основным видом экспортной продукции Ингушетии. Она занимала львиную долю в грузоперевозках со станции Назрань, открытие которой в 1893 г. придало новый импульс развитию экономики Ингушетии накануне Первой мировой войны. Торговля хлебом (кукурузой) на станции Назрань росла буквально с каждым годом. В 1895 г. отсюда отправили 543 000 пудов хлеба, в 1898 г. – 1256000 пудов, в 1908 г. – 1800000, а в 1913 г. – 2844000 пудов. Отправка кукурузы со станции занимала к началу XX в. 90% хлебных грузов [5, с. 38; 10, с. 9].

В то же время станция Назрань стала и центром торговли в плоскостной Ингушетии, конкурирующей с традиционным экономическим центром Ингушетии – Владикавказом. В 1900 г. в поселке функционировали 33 торгово-промышленных заведения, 8 сыпных амбаров, две сушилки кукурузы, два керосиновых бака, принадлежавшие назрановским купцам. В 1902 г. крупнейшими предприятиями Назрани были хлебный амбар Гаирбека Гелисханова (с оборотом 300 тысяч руб. в год); мануфактурная лавка, хлебный амбар и склад керосина Гази-Магомета Плиева (с общим оборотом 71 тыс. руб. в год), хлебный амбар Дуда-Хаджи Дударкиева-Албогачиева (50 тыс. в год), мануфактурная лавка Авди Машева-Гиреева (60 тыс. в год). Многие назрановские купцы имели оборот свыше 10 тыс. в год: Горбаковы Тоубот и Алайбек, Арсамаков Джамалд, Эспиев Энгис, Богатуров Орцу, Гемарзиев Соси, Гелисханов Эльберт, Дахкильгов Вари, Экажев Угуз-Хаджи, Льянов Мирзха, Льянов Керим, Местоев Магомет, Гойгов Ами, Исмаилов Джамбулат, Аушев Фрет, Экажев Абдул, Гиреев Мааш, Гириев Эта [5, с. 37].

В то же время рост торговли никак не соотносился с аналогичными показателями в производстве, особенно в промышленном. Оно почти не развивалось, а имеющееся развитие концентрировалось в основном в области кустарного и мелкотоварного производства. Так, в 1914 г. в Назрановском округе имелось 7 кирпичных и черепичных предприятий, в 1914 г. – 14, в 1914 г. 1 известковое и 2 лесопильных предприятия. В 1910 г. в округе – 85 мельниц, а в 1914 г. – всего 50 (что может быть связано с уменьшением посевов кукурузы после начала войны). Производительность предприятий в 1910 г. составляла 21 617 руб., а в 1914 г. – 28 570 руб. При этом все 18 предприятий, расположенных в Назрани, принадлежали ингушам [13, с. 54].

Особенно острую нужду в хлебе испытывали жители Джераховского, Цоринского, Хамхинского и Мецхальского обществ, в которых проживало более 12,5 тыс. человек. В нагорной полосе Чечни и Ингушетии земли хватало только для 14% населения, остальные 86% являлись остро нуждающимися [8, с. 135].

В среднем ингушские крестьяне ежегодно казакам более 30 тыс. рублей аренды, т.е. за свою землю только за 1905 г. они отдали 50 тыс. рублей (аренда и штрафы). Только лишь в 1900 г. и только в одном Сунженском отделе станичные общества получили за аренду 71 273 руб. [13, с. 23]. Места близ хутора Мужичьего Сунженского отдела сдавались войском в аренду за 483 руб. ежегодно [3, с. 455]. Только жители Цоринского и Хамхинского обществ Ингушетии по данным на 1904 г. за аренду земли платили 2 644 руб., а вместе со штрафами за порубку леса, за «следы» и различные налоги на одну семью приходилось более 30 руб. в год [Там же, с. 344].

В 1898 г. положение плоскостных ингушей с землей несколько улучшилось за счет сдачи в аренду земли из казенного участка на 12 лет крестьянскому обществу в Назрани [1, с. 102].

Продолжалось отходничество среди ингушей, во многом на нефтепромыслы Грозного. В поисках новой жизни и новой прибыльной работы они потянулись во вновь созданные города и поселки. Указывая на разительные перемены, которые произошли в психологии, в настроениях ингушей и других народов Кавказа, А. Ардасенов отмечал, что ингушей «можно видеть теперь, так сказать, на всех перекрестках жизни, ищущих всюду работу – приложения своих рук» [2, с. 35]. Так, в 1913 г. на 15-м участке Старых нефтяных промыслов, принадлежавших англо-русскому товариществу, начал работу токарем Юсуп Тохович Албогачиев – будущий первый в Ингушетии член большевистской партии, успевший пройти «университеты» революционной борьбы в Керчи и Екатеринославе [12, с. 107].

Однако количество ингушей среди грозненского пролетариата было немногочисленно. Объяснение этому было также и в том, что ингуши больше концентрировались во Владикавказе, а не в Грозном.

Статью оттока населения из региона составляло и административное выселение провинившихся перед властью в Центральную Россию, Сибирь и др., причем в начале века все настоятельнее звучали требования выселять их без права возвращения и с семьями [4, ед. хр. 180, л. 5].

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что к началу XX в. Ингушетия, как и весь Северный Кавказ, уже довольно прочно интегрировалась в состав Российской империи. С одной стороны, это знакомило ингушей с передовой по тем временам техникой обработки земли, новыми видами хозяйствования, давало доступ к общероссийскому рынку. В то же время следует отметить, что последствия включения в состав России выразились, прежде всего, в дальнейшем ухудшении социально-экономического состояния горцев за счет обострения наиболее актуальной проблемы – обеспечения земель в результате реквизиций земельных угодий администрацией.

Список литературы

1. Албогачиева М. С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX в. СПб., 2011. 178 с.
2. Ардасенов А. (В.-Н.-Л.) Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. 41 с.
3. Борчашвили Э. А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII-XIX вв. Тбилиси, 1987. 455 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Д-4. Оп. 1912.
5. Джабагиев В.-Г. Дореволюционные публицистические работы 1905-1917 гг. Назрань – М., 2007. 95 с.
6. Кодзоев Н. Д. Предпринимательство и торговля в Ингушетии в начале XX в. // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2004. Вып. 1. С. 34-45.
7. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. Ростов-на-Дону, 1990. 255 с.
8. Ортабаев Б. Х. Развитие мелкого производства у горских народов Терека в конце XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономического развития Северного Кавказа в XIX – начале XX в.: сб. научных трудов. Краснодар, 1985. С. 124-137.
9. Отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска за 1901 г. Владикавказ, 1902. С. 7-16.
10. Фадеев А. В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // Известия ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1960. Т. 2. Вып. 1. История. С. 7-21.
11. Харузин Н. Н. О юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник по этнографии. М., 1898. С. 120-133.
12. Хасбулатов А. И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (конец XIX – начало XX в.). М., 1994. 252 с.
13. Хасбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963. 160 с.

FEATURES OF INGUSHETIA SOCIAL-ECONOMIC SITUATION IN THE EARLY YEARS OF THE XXTH CENTURY

Azhigova Aya Magomedovna
Ingushetia State University
Adzhigov1990@mail.ru

The author reveals the main features of Ingushetia economic development processes at the beginning of the XXth century, considers the processes and phenomena of Ingushetia social-economic life during the period under consideration, which played an important role in the development of the region and the country as a whole, analyzes the nature and features of social-economic processes in Ingushetia at the beginning of the last century, and as a result comes to the conclusions about social changes in the Ingush society, the development of trade, the growth of seasonal work.

Key words and phrases: Ingushetia; Terek region; agriculture; animal husbandry; lack of land; rent; trade.